

Др 84
К 78
А-378592

ПЁТР КРАСНОВ

Урал-
БАТЮШКА

Новомир

Урал-
БАТЮШКА

0р84
к78
0р84

84(2=411.2)6-4

ПЁТР КРАСНОВ

Новомир

а-348592

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. И.К. Крупской»

Москва

«Вече»

НОВОМИР

I

— В принципе, — рассеянно сказал приятель, — псина-то не плохая. Хотя вздрючить бы за проказу не мешало. Вздрючить, а? — спросил он, глаза переводя, удостоив, наконец, взглядом поодаль благоразумно сидевшую собаку. — Или малость погодить?

Юрок понимающе — где тебя вздрючить, мол, при такой-то жаре и лени, — поглядел на него и даже хвостом не шевельнул на пустые эти речи. Но чего уж точно он не понимал, так это интеллигентского — перекочевавшего уже и к работягам и даже в блатную феню — словца-паразита, Гущину и самому однажды услышать довелось угрожающее в свой адрес: «Ну т-ты, в принципе!..» И было это похуже, кажется, чем «в натуре», прогресс и тут всюю наличествовал. Юрок же не мог понять его и потому еще, может, что беспринципней этой собаки встречать пока не приходилось.

Поменьше среднего собачьего размера, с примесью каких-то болоночьих кровей и заросший до носа длинной шерстью, некогда белой, а теперь отвратно грязной, сбившейся в колтуны, в сосульки и лепехи слипшиеся, волочившиеся по земле, Юрок был типичным бичеваном и по характеру тоже. Сказывалось городское, должно быть, и отчасти благородное происхождение — от какой-нибудь квартирной, но по недосмотру хозяев загулявшей с бродячим двортерьером мамыши-гризетки, собачьих абортариев, сдается, новейшие собачки ещё не завели — чего, впрочем, утверж-

дать уже нельзя; а известно, что тащит в деревню этот город, эти благородные... Привезенный лет семь ли, восемь назад сюда городскими внуками уже-таки большеньким, вьюношей хватким, Юрок имел двор прописки, деда с бабкой за хозяев и пусть довольно случайный по их небрежности и по его провинностям всяким нередким, но все-таки харч, нет-нет да и перепадало. В еде, однако, прожорливый до невероятия и неразборчивый, постоянно шакалил он по чужим задворкам и помойкам, не считал за грех, говорят, и курчонка-простодыру придушить, когда никто не видит, или стянуть и растребушить бязевый с творогом мешочек, какой обыкновенно подвешивают хозяйки на гвоздик у заднего крыльца, чтобы дать сыворотке стечь, да и мало ль какой фарт выпадет. Угрызений совести он никаких, конечно, и никогда не испытывал, точь-в-точь как хозяин его, в стариковский возраст вошедший Еремин, которого и в глаза уж по прозвищу звали Ерёмой, хотя каким-то воспитателем детдомовским — «в дурака-мать его!» — наречен был, ни много ни мало, Новомиром... Лишь при получении паспорта, где-то в начале шестидесятых, переименовал имя, Николаем записался от стыда подальше; а наковка на разлапистой, раздавленной прошлыми всякими трудами пятерне так и осталась, вместе с расплывшимся таким же якорьком. На выпивку Ерема всегда готов был тоже если не украсть, так уворовать, не брезговал ничем и на все смотрел, как и Юрок, ясными и понимающими всю эту мировую мудотень глазами.

Приятель выговаривал псине за то, что тот стянул с верстака и едва не раздербанил оставленный во дворе сетчатый садок с рыбой, только что на утренней зорьке добытой, — наивный! Он ещё не знал, что бесполезней занятия, чем стыдить или ругать Юрка, в свете нету — тем более что позади в углу заборчика за хламом всяким дровяным есть у него потайной лаз со двора гушинской избушки-дачи на курьих ножках: рубиконы всякие сдуру переходить, мосты за собой сжигать не в привычке у него было... Юрок и в тему-то не сразу врубился, введенный в заблуждение проникновенным пасторским, полным горечи и сердитости увещеваньем, пару раз даже помелом своим грязным подмахнул... рыба? Это за рыбу-то деньги? Подумаешь, окуньков там каких-то зажевал

с сеткой вместе, тут и говорить-то не о чем. Ещё можно было бы, скажем, понять всю эту канитель словесную, если бы он, как по зиме позапрошлой у хозяйки своей, тушку гуся мороженного из сений утащил под крыльцо — это когда она, бабка Ная, вилами его оттуда сослепу выковырнуть пыталась, а он до последнего держался, от них уворачиваясь, и погрызть даже толком не успел... А тут «матросики» какие-то, их и рыбой-то не назовешь — с чего разоряться? И он зевнул, отменно белыми и острыми зубами лякнул и на Гущина посмотрел с какой-то даже утомленностью: скажи, что ли, ты этому, приезжему, чтобы не гнал тут... эта мораль у меня знаешь где уже?!

Гущин-то знал, какой уж год вроде дачника здесь, да и сам деревенских кровей и кое-каких оставшихся привычек и познаний; а вот приятель, надивившись за два дня, с какой ловкостью эта псина открывает изнутри калитку низенькую гущинскую, крючок носом поддевая и снимая, как хамкает на лету все съедобное, но обманки всякие лишь глазами пустыми провожая, и безошибочно понимает не только мимику и жесты человеческие, но и слова, — городской его приятель Максим безудержным и ни на чём, ей-богу же, не основанным мечтаньям предавался:

— Его постричь бы, помыть в трёх водах да в хорошие руки на выучку... он бы чудеса творил, не то что эти тупари породистые, вырожденцы комнатные. Заглянул как-то мимоходом на выставку собачью — габсбургский дом!.. Ну ладно, прохиндей, можешь подойти.

Юрок с готовностью приподнял зад, но сделал лишь один — именно из вежливости — шагжок и снова сел.

— Нет, ну ты погляди! — в какой уж раз восхитился тот. — Н-ну дипломат! Ну собачий сын!..

— Да это так... этикет, пустяки, — сказал Гущин, не то что совсем уж не разделяя восхищенья его, а просто из-за ради правды, какую частенько у нас путают с объективностью, хотя понятия-то эти разные. — Всем известный дипломатический протокол, цирлих-манирлих... Ему, если уж на то пошло, доступны тонкости более высокого порядка — да-да, то, что умственным уже назвать можно...

И рассказал, как прошлым ноябрём забил Ерёма и свеживал с соседом на заднем дворе подвешенного на проножки «башмака», годовалого то есть бычка, — нечем кормить, не позаботился; а он, Гушин, как раз подошёл по какому-то делу, заодно покурить, поглядеть. Шкуру сняв с телка и к разделке готовясь, по себе зная, что и Юрок из-за своей страсти на все способен, прямо из-под руки кусок утащить — это за ним не заржавеет, Ерёма предусмотрительно приоткрыл задние из штакетника воротца, молча головой показал тому: давай, мол... С неохотой великой, но безропотно последовал Юрок на зады, где уже крутились в ожидании поживы два каких-то забредших на запах кобеля — при которых ему-то, малорослому и с короткими ногами, ничего не светило...

Хозяин, всякие отонки¹ и мелочёвку ненужную обирая с туши, обрезая остро отточенным ножом, равнодушно откидывал её за штакетину, где тотчас расхватывалась она с жёлтого от навозной жижи снега и проглатывалась, нежёвано летело. Юрок только дёргался, сутился вокруг длинноногих этих, наглых и жадных, нюхнуть не доставалось. Но вот и до причинного у бычка места дошёл Ерёма, несколькими короткими порезами высвободил и отхватил, бросил, щерясь в ухмылке выкрошенными зубами, собакам... и-эх! Кинулись; но даже если бы и успел Юрок, схватил — толку-то, отняли бы тут же... И все-таки успел: молниеносно — пока путались они в ногах своих, схватить пытаясь, — куснул за ляжку одного сзади, за бок другого хватнул, назад отскочил... Хрип горловой мгновенный, злобный донельзя — и уж рвут друг друга, пластают кобели, клубком крутятся; а тот скачком-бочком достигает, изловчась, хватает «предмет» — и за ближний угол скорей, подальше отсюда, со всех ног...

А Ерёма аж заходится в смешке, в кашле прокуренном, приседая, стучит зажатой в кулаке ручкой ножа о коленку:

— От-так-от их!.. Отхватил премию!..

Что ни говори там, а своих недругов стравить да ещё попользоваться за их счёт — это, если по-человечьи, и есть самый верх дипломатии, не всякого канцлера на это хватит...

¹ Отонки (местн.) — плёнка на мясе.

Юрок тоже не без внимания слушал рассказ, остро проблескивая иногда глазками сквозь свалывшуюся на морде и засаленными прядями свисавшую с головы шерсть, мехом ее уж никак не назовёшь, и готов был, сдавалось, сказать: «А-а, это тогда-то? Ну, было дело — подумаешь...»

— Одна-ако! — качал головой приятель. — Макиавелли засранный! Нет, в дело бы его — в охотничье хотя б...

— И как бы ты его на охоту — на ремне поволол, да?

— Как это — на ремне?

— А так, — усмехнулся Гушин. — Никуда-то он не пойдёт: ни на охоту, ни... Ему это всё — до фени, он бич, понимаешь? Ерёма уж пробовал на пастьбу его брать... во-он до того проулка дошёл с ним Юрок и под палисадник спать завалился — этак, знаешь, демонстративно. Тот и звал, и с кнутом к нему — куда там... Ему любую работу работать — как вору в законе... запаadlo, да. Ну никудышный он.

Никудышный, никак иначе его бабка Ная и не называла. Никчёмный, ни двор постеречь, ни даже за ягодой-реписом, за грибами в лесопосадку сопроводить, чтоб хоть душа живая рядом. Пробовали не раз на цепь сажать — так за ночь душу вытьём вынет, а на приходящих ноль внимания, не гавкнет, голоса не подаст... нет, нарочно не брехал, был уверен хозяин. Так и пришлось Рыжка завести, из аборигенов, и тот с первых же дней столь ревностным оказал себя ко двору, что не то что человека или кошек — кур чужих отличал и облаивал честь по чести, как оно и положено. Будучи во дворе когда, правда, и Юрок подбrehнёт иной раз Рыжку — но безадресно этак, в воздух, хвостом при этом работая, едва ль не симпатию выказывая гостю любому и каждому, даже цыганам с их вполне ощутимым звериным духом, от которого рыжий служака, взбеленившись, готов был сдохнуть в припадке на цепи... да и черта ль, в самом деле, портить Юрку отношения с кем бы то ни было, без нужды? В меру равнодушен был ко всем и всему, даже и в многошумных собачьих разборках, дрязгах и свадьбах редко когда в середку встревал, трезво со-знавая, может, свою неважнецкую, говоря поганым новомодным словечком, конкурентоспособность в разросшемся сверх всякого

избытка собачестве, что в городе взять, что на селе, люди же и поразвели, страшась друг друга; всё где-то сбочку предпочитал, в качестве, так сказать, наблюдателя, так-то целей будешь... Главное же, каким-то вот образом поставить себя во дворе прописки сумел: и никчёмный, а вроде как свой, привычный, не выгонишь и шкуродеру не отдашь, да и на шкуру-то не годен... Головою ли, инстинктом, а умеют себя нахлебники поставить так, будто без них уж и не хватает чего-то, не обойтись.

— При таком-то уме, — всё не понимал прятель, не так ещё давно супротивник гущинский, а ныне демократ-расстрига, — да я бы...

Ну а что ты? Что — мы все, умные-разумные такие, в диалектике понатасканные, в политэкономии сызмала, а простейшей задачки на вычитание из кармана нашего и из души решить не можем? Где нас, куда запропала сама наука жизни, а того более честь наша, дух? Сами из страны барахолку спекулянтскую, бомжатник всесветный сотворили, сами не сказать чтобы с радостью, конечно, нет, но с готовностью какой-то иррациональной опускаться стали, будто долго ждали того, всяк в свой разврат посильный кинулись, в одичаловку, и — «я бы...».

Но меньше всего резонером хотелось быть — чихала она, жизнь, на наши резоны. Как и смерть, и это-то, должно быть, Юрок получше Гущина с приятелем знал — ну, если и не знал, не дано ему, к счастью, этого точного знания, то чувствовал-то уж наверняка лучше. Дала она почувствовать.

II

История с гусём тетку Наю вконец, как ныне говорят, достала, ругалась — на полдеревни слышно было. «Черти вас на мою голову навязали, — кричала, — никчемушних! Оба из дому тащут — наперегонячку, алыхари! Своди со двора, так твою!..» Гусь дочери городской на новогодье приуготовлен был и с вечера соседям в амбар отнесен ею, чтобы, не дай бог, не сплавил его Ерёма кому-нибудь за пару-тройку бутылок самопала; и вот только договорилась с попуткой сдать, только в сенцы от соседей занесла, пока благоверный с похмелу глаз не продрал, как другой

удосужил, такой же паразит клятый... Ярость её не знала исходу: как вот сдать такого гуся теперь, погрызенного? А другого не было, не гусака ж рубить, не гусынь, на племя оставленных; да и не успеть к попутке... Душила ярость — на всю свою жизнь ишачью, за бабу и за мужика, на судьбу беспроглядную, дышать не давала; и не из тех был Ерёма, чтоб такой момент удачный упустить. Свою пенсию он пропивал в первую же неделю и теперь был как раз — по выраженью, какое русскому переводить не надо, — «на подсосе». «Своди ко всем хренам со двора!..» — «Бутылку, — сказал он, — и все дела». — «Ага, разбежалась! А потом, скажешь, шофёру ещё, чтоб отвёз...» — «Куда его везти, ты што?! Он, ушлый, и с Мурманана прибежит. — Новомир Ерёмин когда-то служил под Мурманском в береговом экипаже, потом и в море выходил, и она знала, что это очень отсюда далеко. — Не-е, тут надо-ть это... тово». — «А хоть чево! Чтоб глаза не видели сволоту никомушную... Гадство с вами, а не жизнь!» — «Я ж говорю: бутылка».

Но и к этой наглости тетке Нае было не привыкать; случаем пользуясь, не раз уже и не два выставлял ей муженёк, супруг незапряженный, такое вот для добрых людей дикое условие: за своё ж дело какое-никакое семейное, хозяйственное — и, вроде того, плати... «Будет тебе, хрен ненажорный... вот сведёшь — будет! Может, сам поскорей околеешь!..» Но подсердечно-искренняя подчас, тоскливая надежда эта её всё что-то никак не сбывалась, живуч оказался попутчик, пособник судьбы, хотя несколько раз уже «концы отдавал», желчью одной блевал и кровью...

Делать нечего, пришлось ей срезать кое-как, состругать погрызенное тупым ножом, не заставить никак мужика наточить, и самой тупым же топором порубить гуся на куски, так вот и сдать; а Ерёму, как всегда в таких случаях, охватила усугубленная похмельным синдромом лихорадка деятельности... Первым делом было — найти придурка этого, по задворьям где-нибудь шастающего, и поймать, на привязь посадить; но самому-то ловить было теперь никак не с руки, колотило всего... а дальше? Собутыльник давний Задереев, ружьишко имевший и ходивший иногда на речку вяхирей и уток поугатать, маялся с чирьями в больничке на центральной усадьбе, его оттуда не вызовешь... А Кирьку сгово-

рить задереевского, вот что! Ещё тот алыхарь, как баба говорит, безобразник, хоть по годам и пацанёнок ещё, не зря отец ключ от ящика ружейного железного на шее носит вместо крестика. От зятя с прошлого приезда пачка сигарет валялась, с фильтром, а за них отморозок этот, по деду Кириллу названный, всё сделает, что надо и не надо. Сам Ерёма «Приму» курил, с каждой пенсии сразу на месяц закупал, чтобы хоть за этим не шакалить; а из зятевой пачки разноцветной одну только достал, попробовал баловства ради и в какой раз подивился: ну, пахнет — а что там курить-то? Трава травой, только деньги переводить.

Ни того, ни другого искать долго не пришлось. Юрок на заднем, скотном дворе ошивался — в тоске по гусю, должно быть, и без какого-либо, само собой, страха иль раскаянья, ещё со щенячества все его проделки и провинности в этом безалаберном доме не то что прощались — забывались тут же за всякими другими происшествиями, вот ими-то богаты были тут, и одна была забота — под горячую руку не попасть. Предупредив лобастенького, с быстрыми сметливыми глазами на конопатой морде Кирьку: «Тока, это самое, не гляди на него, а то догадается, сучок», — Ерёма навел с водою болтушку из отрубей и продвигал огромными своими разношенными валенками в сарайчик к поросёнку. Юрок, вообще-то, и болтушкой не брезговал, не прочь был вылизать пустое с остатками ведро; подождал немного хозяина, отчего-то тот не выходил, и не утерпел, сунулся в сарай — где и был немедленно схвачен, отсеченный сзади в дверях Кирькой, за грязный загрибок трясущейся хозяйской рукой.

При нужде Ерёма и сам бы управился с остальным, немудрено дело, — но незачем теперь, за воротцами на задах гомонила уже ребятня, Кирькой оповещённая, ждала. Поискал глазами и велел помощничку отмотать с прясла обрывок старого, заскорузлого от грязи бельевого шнура, каким привязано было оно к столбу. Жердина упала одним концом, хрен-то с ней, а шнур оказался вполне ещё годным, выдержит; и он, на высокий порожек сарая присев и зажав уже и переставшую противиться псину между голенищами валенок, связал кое-как и наскоро петлю — колотун, однако, похмелиться поскорей бы, — сказал Юрку, вроде как все-

рьёз: «Што глядишь? Отвечать, брат, надо... все ответим». И на-
сунул петлю на морду ему и дальше, на шею, подтянул, совсем
тонкой оказалась под свалывшейся шерстью шея, передал другой
конец Кирьке: «Так и тащи, подальше куда-нить... к комбайну вон.
На нём и... это самое. Тока не упусти гляди». И с облегчением
закурил, глядя, как пошла-побежала туда, покрикивая, ребятня
по неглубокому совсем ещё снежку, как трусила боком меж
ними поначалу упирившаяся была собака — туда, к оврагу, где
кособочился на его краю под мгlistым зимним небом начисто
раскулаченный «фермерами» комбайн и чернела другая всякая,
тоже раскуроченная, бывшая колхозная техника.

Псину не жалел, не за что. Да и себя тоже — что жалеть, коль
жизнь прошла уже. Прошла; а эту, нынешнюю, он за жизнь не
считал, не стоила того — ни своя, ни общая, куда-то вовсе не туда
повернувшая и будто с последних съехавшая катушек, припадоч-
ная какая-то... дожитки, да толку с этого уже не будет. Угрюмым
был мир кругом, равнодушным, оно и кстати — не жалко кинуть
всё к такой-то матери и забыть. Да, главное — забыть. Не помнить
всю гнусь эту, свою и чужую, все её, жизнешки-злыдни, выверты
и западни с заманками, оскорбления несмываемые. Кинуть, уйти,
от себя тоже.

Он сплюнул, затер валенком окурочок и тяжело — всё в нём
скрипело и дрожью противной мелкой отдавалось — поднялся
с порожка. Еле виднелась там, у комбайна, копошилась ребятня...
сделает Кирька? Сделает. Злой парнишка, понаделает ещё горей.

Подошёл к грубо сбитому крыльцу, много лет уже без нижней
ступеньки, какую заменял большой камень-плитняк, сказал в от-
крытую дверь сеней, где гремела вёдрами с пойлом жена: «Всё,
навёл кранты. Так что, это... ставь давай». — «Положу! Так я и по-
верила!..» И ребятня уже на слово не верила ему, тот же Кирька,
паскудник, сигареты наперёд запросил: а то, мол, знаем... Что ты
знаешь, хотел вскипеть он, что понимаешь?! Но лишь обессиленно
дернулось что-то в нём и сгасло, не загоревшись, как плохая
спичка, едкий испутив дымок в глаза, разъедающий... пачку-то
отдал бы и после, на кой она ему самому. А с чем другим... Прав,
поганец.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66